

Сергей
Шаповалов

Император

Книга третья

Суворов

12+

Сергей Анатольевич Шаповалов

Император. Книга третья. Суворов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62802142

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93118-3

Аннотация

Третья часть романа "Император" рассказывает о героической Швейцарском походе русской армии, возглавляемой непобедимым Александром Суворовым. Это одна из самых славных страниц в истории России.

Содержание

В армии Суворова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Шаповалов

Император. Книга третья. Суворов

В армии Суворова

Морем я прибыл в Генуе. Город оказался в осаде. Французы оборонялись. Английские корабли блокировали порт. С суши Генуе осаждали австрийцы: корпус генерал-майора фон Кленау. Пришлось сходить на берег в предместье, в нескольких милях от города.

В одной из захолустных харчевен с традиционной итальянской стряпней, где я решил перекусить, ко мне подсел французский офицер. Странно, но здесь в предместьях Генуе о войне, как будто забыли. Австрийские патрули, французские офицеры, отпущенные из плена под честное слово, итальянские повстанцы кардинала Руффо, русские фуражные команды – все как-то мирно уживалось.

Французский офицер, ужасно обрадовался нашей встрече. Молодой, цветущий, он был высокий, почти с меня ростом. И возраста примерно мы били одного: ему на вид едва исполнилось восемнадцать. Исхудавший от полученного ранения, с бледным скуластым лицом, на котором едва про-

бывались тонкой полоской усы, он больше походил на уставшего студента, нежели на боевого офицера.

После взаимного приветствия и каких-то ничего не значащих фраз о погоде и цене на местное вино, я, наконец вспомнил, где мы с ним встречались. На Корфу. Я спас ему жизнь, когда во время штурма острова Видо албанцы резали головы пленным, чтобы получить у Али-паши за каждую такую отрезанную голову звонкую монету. Арнаут уже занёс ятаган над раненым французом, когда я потребовал отдать пленного мне. Арнаут стал возмущаться. Но я предложил ему золотой червонец, приправив угрозой, что лично знаю Али-пашу. Албанец нехотя отпустил несчастного. Звали француза Жаном. Он происходил из бедных нормандских дворян. Его отец и старшие братья примкнули к революционной армии ещё вначале пламенных событий начала девяностых. Он последовал за ними. Сразу же попал служить на Корфу.

После освобождения из плена Жан пытался добраться до Франции, но его перехватил французский патруль. Он долго просидел под арестом. Ему пытались пришить обвинение в дезертирстве. В конце концов, предоставили выбор: расстрел или вновь под ружьё. Естественно – он выбрал второе. Тут же был направлен в армию Моро, где участвовал в битве при Нови, и мог погибнуть несколько раз. После разгрома, Жан, действительно, дезертировал и больше не желала участвовать в войне. Домой и только – домой, решил он. К свиньям, к гусям, к книгам. Быть может, возобновить учёбу

в Сорбонне. Жениться на какой-нибудь провинциальной девушке из благородной семьи. Нарожать детей. Торговать сыром, вином, маслом.... Что угодно, но больше не ввязываться в кровавые авантюры.

На вопрос, что я здесь делю, поведал в свою очередь, что хочу попасть в армию Суворова.

– Суворов! – восторженно воскликнул он, но тут же перешёл почти на шёпот. – Вся Европа только и говорит о Суворове. Пред ним померкла слава Ганнибала и Македонского. Вы же слышали, что случилось под Нови?

– Нет, пока ещё не успел.

– Французская армия разгромлена. Потери – больше двадцати тысяч солдат и офицеров, вся артиллерия, половина знамён. Маршал Жубер убит. Моро еле успел привести жалкие остатки войск в Генуе. Дорога на Леон открыта. Все в отчаянии. Суворову никто не может противостоять. Если он двинется к Парижу – Франция обречена.

– Расскажите подробнее, что случилось под Нови? – попросил я.

– Что случилось? – хмыкнул Жан и помрачнел. По его бледной щеке скатилась слеза. – Я никогда не забуду того ужас. Поздно кого-то обвинять в нашем поражении. Мы были разбиты... Раздавлены... Сметены... А после позорно бежали... Под Нови должна была окончательно решиться судьба Италии. Если союзную армию России и Австрии нам удалось бы сдержать, подошло бы подкрепление из Швейцарии,

и мы бы перешли в решительное наступление. Но союзной армией командовал Суворов. Я слышал, что он ещё никогда не проигрывал сражений.

– Да, это правда, – подтвердил я.

– Суворов против Жубера! Русский булатный палаш против эльзаски тонкой шпаги. Закалённый в боях старый полководец с холодной головой против молодого горячего маршала.

– Маршал Жубер молод? – переспросил я.

– Ему ещё не исполнилось тридцати. У него прекрасное образование. Он умен, отважен и рассудителен. Недаром во время революции Жубер сделал головокружительную карьеру. В двадцать два он вступил в национальную гвардию рядовым, а через два года получает лейтенанта. Через три года, проявив отвагу и умение на поле боя, он возведён в бригадные генералы, затем в звание дивизионного генерала. Несколько раз ранен. Он всегда на поле боя действовал смело. Кидался в самое пекло. Плевал смерти в лицо. Его два раза брали в плен, потому что он не желал отступать. Считал отступление – позором.

– Почему Моро сместили и поставил Жубера?

– Моро неудачно вёл компанию против Суворова. Поражение следовало одно за другим. На Жубера Франция возлагала большие надежды. Командующий прибыл только что из-под венца, представляете? Примчался, пообещав молодой супруге и всей Франции громкие победы. Положение на-

шей армии было превосходное. Мы занимали высоты у Нови. Фланги прикрывали реки: с одной стороны Орба, с другой – Скрива. Артиллерия в готовности. Солдаты полны отваги. Сумки набиты картушами. Союзная армия располагалась невыгодно в долине. Вся диспозиция в нашу пользу. Безумие – штурмовать укрепленные высоты. Но почему-то Жубер спасовал перед Суворовым. Почему-то он надеялся, что Суворов отступит. Генералы на военном совете так толком ничего и не решили. Моро, уловив настроение Жубера, его страх перед непобедимым старцем, предложил отступить и дожидаться подхода альпийской армии. Разумно, согласитесь. У нас, в таком случае, мог быть двойной перевес в силе. Жубер отклонил его предложение. Отступать – не в его правилах. Пусть противник отступает, – был ответ маршала. Командующий обещал сам все обдумать и прислать диспозицию по войскам. Но так и не прислал.

– Как он погиб?

– В первой же атаке. Австрийцы с рассветом двинулись на наш левый фланг. Завязался тяжёлый бой. Жубер велел подать коня и, как обычно, бросился в самое жаркое место схватки, чтобы поддержать своим примером солдат. Был тут же убит. Его гибель решили скрыть от армии. Командование вновь принял на себя Моро.

– Как дальше протекало сражение?

– Мы удачно отбили несколько мощных атак. Русские лезли по склону с бесстрашным упорством. Я лично видел, как

в гренадёра, атаковавшего нашу позицию, попало несколько пуль. Его мундир намок от крови, но он не падал. Он упрямо поднимался по склону, выставив перед собой ружье со штыком. Свалился замертво только после того, как ворвался на батарею и заколол фейерверкщика. Вы не представляете, Семён, какой там творился кошмар. Казаки! Это сущие дьяволы. Их пули не берут. А саблями как они орудуют! Рубят наотмашь, резко. Головы сносят враз. И никогда не знаешь, откуда они появятся. Налетают на батарею, изрубят прислугу и тут же исчезают. Но мы все же выстояли до полудня. Бой затих. Прошёлся слух, что противник готовит отступление. Мы возликовали, обнимались, поздравляли друг друга с победой... Однако один старый солдат сказал: «Чему радуетесь? Суворов никогда не отступает. Мы отбили штурм, это русских только разозлит, но не испугает». Он был прав. К вечеру вся союзная армия вновь двинулась в атаку. Наши пушки не успевали остывать. Весь склон покрылся убитыми и ранеными, но атака продолжалась. Первым не выдержал правый фланг. Поляки никогда не отличались мужеством и стойкостью. Корпус Домбровского были опрокинут. Хвалёные лыцари бежали, сверкая пятками. Затем цизальпийский легион оставил позиции и удирал, не выдержав штыковой атаки. А потом и все остальные запаниковали. Мы сбились в кучу. На нас напали казаки и австрийские драгуны. Началось самое ужасное – бегство с избиением. Если союзная армия понесла большие потери при штурме, то мы потеря-

ли тысячи человек в этом бесславном отступлении. Вы не представляете, какой испытываешь страх, когда ты бежишь, и затылком чувствуешь, как над тобой заносят палаш... И сделать ничего не можешь. И не защититься никак...

– Но вы каким-то образом уцелели?

– Чудом. Даже не верится до сих пор. Наверное, Мадонна сберегла. На нас налетели казаки. Меня сбили с ног. Я полетел в придорожную канаву. Сверху свалилось несколько убитых. Я едва мог дышать. Вы не вообразите, какой я пережил ужас! Лежал, приваленный телами. На меня стекла чужая кровь. Я оставался в таком положении до темноты, вдыхая трупный смрад и слушая стоны раненых. Я чуть не сошёл с ума. В сумерках, мне удалось выбраться из-под завала мёртвых тел. Где ползком, где по оврагам я добрался до Нови. Один сочувствующий горожанин укрыл меня в своём доме. Пришлось неделю сидеть в подвале. Потом, переодевшись ремесленником, покинул город и направился к Генуе. А здесь, в этом славном городке, где мы с вами обедаем, я узнал, что всех пленённых французов заставляют подписывать договор, что они не будут воевать против Австрии три года, и отпускают на все четыре стороны. Я вновь надел свой мундир, явился в комендатуру, рассказал о себе и подписал все бумаги. Вот!

Он извлёк из кармана камзола сложенный вчетверо листок. Развернул его и показал подпись австрийского коменданта.

– После всего пережитого, я, точно, больше не возьму в руки ружье. С меня – достаточно! Столько смертей! Столько крови! Столько страха! Мне на всю жизнь хватит.

Я ему посочувствовал. Дал на дорогу несколько серебряных монет, за что он сердечно меня поблагодарил.

В это время в харчевню с важным видом вошли австрийские офицеры из интендантской службы. Все в новеньких мундирах с начищенными пуговицами. Заказали пиво. Следом ворвались венгерские гусары, громко разговаривая и смеясь. Они были в пыли. Принесли с собой едкий запах лошадиного пота и пороха. Офицеры интендантской службы поглядывали на них с презрением. Холодно ответили на приветствие и отвернулись. Один из гусар высыпал на стойку горсть монет и потребовал:

– Всем посетителя – вина! Выпьем за Суворова!

– За Суворова! – гаркнули его товарищи, словно ринулись в атаку.

Нам на стол тут же поставили два бокала.

– Господа, встаньте и выпейте за Суворова, – настойчиво шепнул хозяин.

Мы с Жаном поднялись, поприветствовали гусар.

Но один из офицеров интендантской службы назидательно произнёс:

– Сперва надо поднимать бокалы за эрцгерцога Карла, а потом за Суворова.

– Нет уж! – грубо оборвал его старый гусар с седыми вис-

лыми усами. – Я под началом Суворова ещё с османами воевал. И сейчас, если бы он не возглавил нашу армию – не видать нам Италии. А что смог сделать эрцгерцог? Только бегал от французов, как заяц.

– Как вы смеете! – возмутились офицеры интендантской службы. – Бунтари!

– Тыловые кролики! Вон, как разрядились. В штыковую бы вас, на батарее! – закричали гусары.

Заскрежетали клинки, выскакивая из ножен. Хозяин уронил поднос с тарелками и выбежал на улицу. Немногочисленные посетители повскакивали с мест и жались к стенам. Сейчас могло случиться бессмысленное кровопролитие. Я бросился между спорщиками.

– Господа, не безумствуйте! – умолял я.

– Вам ещё что надо? – крикнул мне старый гусар. – Вы кто такой, чтобы вмешиваться в наш спор.

Со всех сторон на меня смотрели отточенные острия клинков.

– Я – русский офицер. И могу вас заверить: Суворову, а тем более эрцгерцогу Карлу не понравилось бы то, что здесь происходит.

– Не влезайте не в своё дело, – настойчиво посоветовал офицер интендантской службы.

– Зря вы все это затеяли, господа.

В углу, до сих пор не примеченный никем, сидел генерал в русском мундире и завтракал копчёными сосисками.

Он встал, надел шляпу. Генерал был молод, высок, с гордой осанкой. Движения элегантные, мягкие. Лицо открытое, красивое с живыми темными глазами.

– Опустите оружие. Я вам приказываю! – сказал он властно. Австрийцы тут же подчинились. Гусары недовольно пробурчали что-то на венгерском, но тоже убрали сабли. – Какой позор, господа! Перебейте ещё друг друга. За Суворова не пить надо, а молиться! А вы тут устроили...

Он бросил на стойку несколько монет и, ни на кого не глядя, вышел из кабака. Я последовал за ним.

– Позвольте представиться, – сказал я, догоняя генерала.

– Вы русский? Откуда? Почему в прусском мундире? – не останавливаясь, спросил он, едва взглянув в мою сторону.

– Лейтенант Добров, – представился я. – Мундир по новому уставу, гвардейский, Семёновского полка.

– А, вот какие нынче по уставу положено носить, – слегка насмешливо произнёс он. – Так вы из Петербурга?

– Нет. Только что с эскадры.

Генерал резко остановился, повернулся на каблуках. Пристально посмотрел мне в глаза.

– От Ушакова?

– Так точно! Направлен с приказом в армию Суворова.

Лицо генерала просияло.

– От самого Фёдора Фёдоровича? – обрадовался он. Быстро протянул мне руку. – Милорадович, Михаил Андреевич.

Я был чрезвычайно удивлён и обрадован. Тот самый ге-

нерал Милорадович, который идёт в атаку впереди полка в полный рост, не страшась ни пуль, ни штыков. Генерал-майор и шеф Апшеронского мушкетёрского полка. Герой сражения при Лекко. Через полчаса мы уже ехали в его открытой коляске.

– Рундук у вас знатный. – Милорадович с любопытством оглядел мой деревянный морской сундучок с медной оковкой. – На флоте у всех такие?

– Обязаны быть у каждого. Закрывается плотно, чтобы внутрь вода не попала. Бывает такое: волна прокатится по палубе – и все в каютах плавает.

– А что это за ящичек, такой элегантный?

– Пара пистолетов. – Я открыл ящик и показал подарок Али-паши.

– Ого! Целое сокровище! – присвистнул он. – Откуда такая роскошь?

Я кратко рассказал ему о наших визитах с лейтенантом Метаксой к эфирскому деспоту.

– История, достойная приключенческого романа, – усмехнулся Милорадович. – Вы уж, дорогой, будьте добры, поведаете мне о морских победах. И как Корфу брали – расскажите. И как Неаполь успокоили. И про Рим. Уж мы о подвигах Ушакова наслышаны.

– О вас тоже ходят легенды, – вспомнил я в свою очередь. – В какой итальянский кабак не заглянешь, везде только и говорят о Суворове.

– Самому не верится. Меньше чем за полгода с нашим старичком Италию освободили. Никто не ожидал такой прыти от Александра Васильевича. Дедушке скоро семьдесят, а он армией командует, словно ему и тридцати не исполнилось. Прямо Митридат Евпатор. Видели бы вы его! Кругом ад, полки в штыковую сталкиваются, пули свистят, гранаты рвутся... а он на своей казацкой лошадке, маленький, щупленький, в одной рубашке, из оружия – только плеть. Да как заорёт: – В штыки! – И пошла лавина гренадёров.

– Как же он без оружия, – не совсем поверил я. – А если вражеская конница?

– Донцы его охраняют. Один казак – что десять кирасиров. Взять хотя бы Матвейку Безбородого. Здоровый чёрт! Не знаю, как лошадь его держит. Сабля с меня ростом. Как гаркнет: – Кудыть! Рубанёт с плеча – и всадника от шеи до седла рассекает. Попробуй к нему подступись. А Суворов наш, какой хитрый! Тут как-то гренадёров французы опрокинул и погнали. Бегут наши. Позор! Да, бывает, что и наши бегают от французов. А попробуй-ка их остановить! Затопчут. А Александр Васильевич на своей лошадёнке подскакивает и кричит: – Заманивай их! Заманивай! Молодцы, что сообразили. Беги, скорее беги! – А потом ка-ак крикнет: – Стой! В цепь! На штыки их, сукиных детей! – И наши гренадёры вновь в атаку попёрли, да батарею взяли...

Мы въехали в маленький итальянский городок Тортонна. Наступала осень. Сады ломились от фруктов. То и дело на-

встречу попадались повозки с корзинами доверху наполненные спелыми гроздьями винограда. Однако с гор временами налетал холодный ветерок – предвестника скорых зимних ненастий. В придорожном кабачке нам подали копчённые колбаски с молодым вином и тушёные овощи.

– Почему Александр Васильевич в таком возрасте согласился участвовать в походе? – спросил я Милорадовича.

– Император потребовал. Да ему самому в Кончанском торчать сил не было. Я иной раз тайком заеду к нему, чтобы охранка не прознала, привезу вина хорошего, книжек новых. А он сразу с расспросами: как там в армии? Что на турецком фронте? Как там у нас с Персией? Какие пушки новые льют? Весь, словно на иголках. Все жаловался: – Плесневею, тут, в деревне, яко забытый сухарь в буфете. Ему только послание от императора пришло, – тут же сорвался. Не может старик без дела. Австрийцы топтались в Италии, бодались с французами, да ничего у них не получалось. Король Франц обратился с мольбой к Павлу Петровичу. Одна из просьб заключалась в назначении именно Суворова на должность главнокомандующего. Старые австрийские генералы помнили, как под его началом громили османов. Настояли. Как только наш старичок прибыл в Вену в начале весны, король Франц тут же назначил его генерал-фельдмаршалом Священной Римской империи. Правда, загвоздка вышла. Австрийцы нам друзья, пока дело до денег не доходит. Позвали нас на войну союзники, значит, они и должны за-

ботиться о продовольствии. Австрийский солдат получает в день два фунта хлеба, три фунта мяса и денег в придачу – пять крейцеров на прочие расходы. А русскому солдату решили давать только хлеб. Суворов заартачился: мол, пригласили воевать, так платите, как следует. Я, говорит, голодных солдат в бой не поведу. Австрияки, жмоты эдакие, полтора месяца думали, подсчитывали, прикидывали, но все же согласились. Как только Александр Васильевич получил согласие, двинул армию ускоренным маршем. Генерала Моро разбили и вступили в Милан ещё в середине апреля. В середине июня разнесли в пух и прах армию Макдональда. У Нови в такую схватку вступили, что кровь в землю не впитывалась. Сам главнокомандующий французской армии Жубер был убит. Слышали об этом страшном побоище? – Я кивнул. Милорадович продолжал: – Противник разгромлен и обращён в бегство. Осталось взять Генуе и маршем двинуться на Париж.

– Значит, Александр Васильевич действительно готов двинуть армию на Париж?

– На Париж! – подтвердил Милорадович, поднимая бокал. – Добьём Моро. Дальше возьмём Гренобль, Леон и – в столицу франков!

– Виват! – поддержал я генерала Милорадовича.

– Вы же знаете, специально для этого император прислал в войска Великого князя Константина, – ошарашил меня Милорадович. – Чтобы он внёс Российское знамя в повержен-

ный Париж.

– Константин Павлович? – переспросил я.

– Он самый.

Я вспомнил его. Маленького роста, с болезненным лицом. Вечно хворающий. Он терпеть не мог вахтпарады или какие-либо учения. Старался забраться куда-нибудь в тайный уголок с книгой, и чтобы его никто не трогал.

– И как он, Великий князь, чувствует себя в армии?

– Да никак, – раздражённо ответил Милорадович. – Обуза. Вот камер-юнкер Великого князя, сын Суворова, Аркадий, вот это – лихой офицер, огонь! Знали его?

– Нет. Не приходилось встречаться.

Мы выпили по бокалу чудесного молодого вина. Генерал продолжил:

– Как только в июле пали крепости Алессандрия и Мантуя, король Сардинии Карл Эммануил подписал указ о присвоении Суворову Александру Васильевичу чин «Кузен короля» и грант Сардинского королевства. В придачу чин Великого маршала войска Пьемонтского. Императору нашему ничего не оставалось, как признать все титулы, да самого Суворова наградить подобающе.

Пока мы так за беседой обедали, посыльный принёс конверт. Милорадович вскрыл его.

– От главнокомандующего, – пояснил он. Прочитал. – Ничего не понимаю, – пожал он плечами. – Александр Васильевич требует направить обоз к границе с Швейцарией, в

Понто-Треза. Странно. Париж в другой стороне.

* * *

Когда в небольшой городок вступает большая армия – он превращается в военный лагерь. Уже на подступах к Понто-Треза, в полях ровными рядами белели шатры. Дорога была запружена обозными фурами. Кавалеристы вынуждены объезжать их по обочине. В самом городе не протолкнуться. На узких улочках патрули. Во всех кабаках офицеры и унтеры. Милорадович отправился искать свой корпус. Сказал, что завезёт мои вещи в штаб чуть позже.

– Вас это не обременит? – спросил я.

– Нисколько, – ответил он. – Не волнуйтесь. В моей коляске все будет в полной сохранности.

Солдаты толпились возле сапожной лавки.

– Что вы покупаете? – поинтересовался я.

– Обувку справляем, ваше благородие, – ответил старый гренадёр с седыми усами. – В дальнем походе обувь – первое дело. Раньше сапоги давали – они крепче были. А сейчас нас в курносые башмаки обули. Разваливаются. Приходится чинить постоянно. Вон, видите, – он показал подмётку растоптанного армейского ботинка. – Деревянными гвоздями подбита. Долго не проходишь. Надо на железные заменить. Босиком много не потопаеть.

Я спросил, где штаб. Мне указали на двухэтажный каменный дом с маленькими оконцами. Поднявшись по узкой лесенке, попал в тёмную прихожую с низким потолком. За сто-

лом сидел адъютант в сером военном сюртуке, который ему совсем не шёл. На боевого офицера он несколько не был похож, да вдобавок круглые очки на носу – ну что за вояка в очках?

– Здравие желаю, Егор Борисович, – узнал я одного из бывших секретарей канцлера Безбородко, Фукса.

Он оторвался от бумаг, взгляделся в моё лицо, подслеповато щурясь.

– А, здравствуйте, здравствуйте, – ответил он на приветствия, так и не узнав меня. – По какому делу?

Я передал ему письмо от Аракчеева. Из соседней комнаты слышался резкий высокий голос. Конечно же, голос принадлежал Суворову.

– Подождите. – Адъютант указал мне на лавку у стены. – Присядьте.

Открыл дверь, вошёл и быстро затворил её за собой. В соседней комнате повисла тишина. Через минуту тот же резкий высокий голос скомандовал:

– Пусть войдёт.

Адъютант показался в двери, жестом пригласил меня.

Возле длинного стола, покрытого зелёной суконной скатертью, стоял Суворов. Он мне показался высохшим, маленьким и каким-то уж очень постаревшим после нашей последней встречи. Мундир зелёного цвета казался широк в плечах. Белые панталоны заправлены в высокие потёртые сапоги. Он был не один. В углу на диванчике сидел молодой

генерал. Гордое, восточное лицо с тонкими чертами выражало сосредоточенность. Я доложил о прибытии. Суворов с неприкрытым презрением оглядел меня.

– Помню вас, голубчик, – произнёс он сухо. – В Кончанское ко мне приезжали с поручением от императора. Так, вроде бы?

– Так точно, – ответил я.

– Нынче что надобно? Аракчеев вас прислал следить за мной?

– Я ещё не получил инструкции.

– Что же это за секретное поручение, что вам сразу в Петербурге не сказали?

Я промолчал, не зная, что ответить.

– Ну, поведайте нам, как там, в столичном граде нынче жизнь протекает. Что в театрах ставят? Шлагбаумами все улицы перегородили? Говорят, дома теперь раскрашивают как шлагбаумы? Круглые шляпы запрещено носить?

В комнату вошёл генерал Милорадович.

– Ага, – оживился Суворов. – Пригнал обоз?

– Так точно, – ответил Милорадович. – Фураж и продовольствие собрано на два дня.

– Отлично, – удовлетворённо кивнул Суворов. – А к нам, вот, тут из Петербурга юнца прислали. Только он все молчит.

Милорадович посмотрел в мою сторону.

– Так, он не из Петербурга прибыл. Я его из Александрии везу.

– Что значит «Не из Петербурга»? А откуда? А лицо-то загорелое, – взгляделся в меня Суворов. – С югов? Откуда? Что молчишь?

– Из Неаполя, – ответил я.

– И что вы там делали, в Неаполе? Небось, секретное задание от Аракчеева? – пытался язвить Суворов.

– Александр Васильевич, – заступился за меня Милорадович. – Он при Ушакове служил на флоте.

Суворов резко выпрямился. Перекрестился.

– У Фёдора Фёдоровича?

– Так точно, – ответил я.

– И как долго?

– Год. Был в морском походе от самого Севастополя. Участвовал в компании по освобождению островов.

– Ах ты, черт! – притопнул Суворов. Глаза его загорелись. – А чего молчишь, дурень? Так, ты и в штурме Корфу участвовал?

– Возглавлял роту морских гренадёров при взятии острова Видо!

– И капитана Кикина знаешь?

– Был при нем, когда отбивали батарею.

Суворов подскочил ко мне, порывисто обнял.

– Прости меня, старого дурака. Я же думал, ты из Петербурга, от самого Аракчеев... А как там Фёдор Фёдорович? Не ранен?

– Ещё меня переживёт, – улыбнулся я. – Греки его за свя-

того считают, а французы даже стрелять в него боятся.

– Ох, как бы мне хотелось при штурме Корфы участвовать! Да хоть капралом! И молчит! – показал он на меня пальцем. – Все нам расскажешь. Во всех подробностях! А я его за слугу Аракчеева принял. А он... С Ушаковым... Почему до сих пор в лейтенантах?

– Приказ о следующем звании в Петербург отправлен. Но когда дойдёт – неизвестно.

– Да, Бог с ним, с приказом. Про Ушакова давай, рассказывай. – И крикнул адъютанту. – Егор Борисович, распорядитесь чаю подать!

Резко распахнулась дверь, на пороге вместо денщика с самоваром появился худощавый человек в дорожном пыльном плаще. В путнике я узнал графа Чернова, одного из штабных офицеров Аракчеева.

– Прошу прощения, что без доклада, – простуженным голосом сказал он. – Гнал из Вены без остановок. Вот, прибыл с секретным донесением.

– Чайку? – предложил Суворов.

– Я бы водки выпил, – попросил Чернов.

– Вы говорили, что донесение секретное, – напомнил Суворов.

– Багратион, Милорадович могут остаться. Добров? – он удовлетворённо кивнул. – Вам тоже будет поручение. – Чернов залпом выпил стакан шнапса, крикнул, сморщился, но от закуски отказался. – Какое состояние армии, Александр

Васильевич? – спросил он.

– Армия! – Суворов заложил руки за спину и принялся нервно ходить по кабинету. – Армия готова хоть сейчас идти на Париж. Но нерасторопность австрийской интендантской службы заставила меня остановить поход. Я мог бы ещё неделю назад перейти Альпы и оказаться в Ривьере. Но австрийские комиссары докладывают мне, что не успевают заготавливать продовольствие. Это они-то со своей немецкой аккуратностью? – Он остановился перед Черновым. – В армии хлеба осталось на два дня. Мулов для перехода через горы не заготовлено. Если мы войдём в Ривьеру, то там не сможем собрать достаточно продовольствия. Его придётся ждать, пока не подвезут морем. Я, Александр Иванович, не могу так воевать. Мы выполняем свои обязательства – бьём врага, не жалея сил. Союзники же не справляются с тем, чего обещали.

– Поверьте мне, Александр Васильевич, то, что вы мне рассказали, ещё не самое страшное, – мрачно сказал Чернов. – Тут дела складываются намного тяжелее. Пока вы освобождали Италию, за нашей спиной готовились совершенно другие планы. Англия задумала захватить голландский флот. Решила положить конец вечному соперничеству на море между Лондоном и Амстердамом. Италию английский кабинет вовсе не интересуется. Был подготовлен договор с Россией о совместных действиях в Батавской республике. Играя на чувствах нашего императора (вы же знаете нашего

императора. Павел Петрович видит священной целью данной войны – восстановить правящую династию Бурбонов), Англия представила проект похода в Голландию, как восстановление на трон династию Оранских. Император тут же согласился и отрядил войска.

– Постойте, а Тугут, первый министр Венского двора знал об этих планах? – спросил Суворов.

– В том-то и дело, что переговоры велись втайне от Австрии. Но все же венский кабинет каким-то образом пронюхал. Тугут потребовал объяснений, и напомнил, что прежде Нидерланды принадлежали австрийскому дому. Боясь упустить раздел Голландии, Вена решила перебросить армию эрцгерцога Карла из Швейцарии к Нижнему Рейну.

Повисла напряжённая тишина.

– Постойте, постойте. Как это, перебросить? – восторженно спросил Суворов. – Они что же, хотят оставить Римского-Корсакова одного против Массена?

– Именно, – подтвердил Чернов.

– Это безрассудство! – вмешался генерал Багратион. – Под командованием Массена больше восьмидесяти тысяч с хорошей полевой артиллерией. Римский-Корсаков не сможет противостоять со своими двадцатью тысячами.

– Эрцгерцог так же высказал недовольствие, – поведал Чернов. – Но ему приказали, и он не смеет ослушаться. Все же, под свою ответственность он оставил в Швейцарии корпус в двадцать две тысячи, под командованием генера-

ла фон Гоца. В австрийском военном кабинете готовится следующая реляция: вам, Александр Васильевич, надлежит перебросить армию в Швейцарию на соединение с корпусом Римского-Корсакова. А оттуда двинуться через Франш-Контэ во Францию.

– Лезть в горы поздней осенью? – возразил Милорадович. – Сейчас выпадет снег. Дороги станут непроходимые.

– Бог с ним, со снегом, – сказал Багратион. – В горах перевалы захвачены французами. Нам ещё предстоит пробиваться с боями.

– У вас два пути, – сказал Чернов. – Продолжать поход в Ривьеру или спешить на воссоединение к Римскому-Корсакову.

– Без снабжения австрийских интендантских служб мы не сможем вторгнуться в Ривьеру, – твёрдо сказал Милорадович.

– И корпус Римского-Корсакова надо вывести из-под удара. Двадцать тысяч против восьмидесяти – слишком большой перевес, – подсчитал Багратион.

Суворов все это время слушал, скрестив сухие руки на немощной груди и, низко опустив голову. Казалось, он спал стоя. Но вот, фельдмаршал медленно распрямился. Взглянул в маленькое окошко, откуда лился мягкий дневной свет. Перекрестился.

– Дело – дрянь, господа, – произнёс он. – Римского-Корсакова надо спасать. Как только я получу приказ с реляция-

ми, сразу же двинемся в путь. Войскам быть готовыми к горному походу. Проверить наличие тёплого обмундирования. Проверить обувь. Больных и раненых разместить в местных госпиталях.

Багратион и Милорадович вышли. Чернов попросил меня остаться.

– Где сейчас Великий князь Константин? – спросил Чернов.

– В корпусе генерала Розенберга, – ответил Суворов. – Вы приехали за ним? Заберите его, ради бога! – взмолился главнокомандующий. – Он только стесняет меня. Великий князь Константин воспитанный и образованный юноша с хорошими манерами, но он не солдат. Я не могу доверить ему даже командовать ротой...

– О чем вы! – возмутился Чернов. – Он – Великий князь, и обязан быть в армии, чтобы своим присутствием поднимать боевой дух. Он – знамя!

– Ну, что вы, Александр Иванович, ерунду городите. Вы меня прекрасно понимаете. Он, у меня, как у собаки пятая нога. Я все время боюсь, что его ранят или, не дай Господь, убьют. У меня разве нет других забот, как только с Великим князем нянчиться?

– Конечно же, я вас понимаю, Александр Васильевич, – был вынужден согласиться Чернов. – Но император непреклонен: Константин Павлович должен оставаться при армии. Да и потом. – Чернов понизил голос. – Вывести его в Рос-

сию нет никакой возможности. Директорией подписан тайный указ: за Константина обещана большая награда. За такую сумму сами наши союзники его сдадут. Как только я с ним отъеду из армии, нас тут же схватят. Представляете, что будет, если он окажется в плену у французов?

– Даже думать страшно, – махнул рукой Суворов. – Они могут потребовать любые условия. Да хотя бы – вернуть им Италию. Вот так, просто – без единого сражения.

– И что самое страшное – император пойдёт на сделку ради сына. Вот поэтому я не могу его вывести в Россию. У меня никакой охраны. Даже если я попрошу у вас эскадрон казаков в сопровождение – нет гарантии, что мы доберёмся до Баварии.

– Но, если мы завязнем в Швейцарии, и его возьмут в плен? – предположил Суворов.

– Вот, для этого к вам послали Доброва, – указал на меня Чернов, и сердце моё заледенело в недобром предчувствии. – Ему дано тайное поручение: сделать все, чтобы Великий князь, Константин не попал в руки французов живым.

Суворов подошёл ко мне вплотную, посмотрел прямо в глаза, отошёл, недовольно встряхнув головой.

– А сможет ли он? Рука у него поднимется?

– Сможет, – уверенно ответил за меня Чернов.

– Неужели такое распоряжение дал император?

– Нет.

– Ага. Значит – Аракчеев, – сделал вывод Суворов.

– Но позвольте! – возмутился я. Обо мне тут говорят, как о деревянной кукле. Меня никто не спрашивает, что я думаю обо всем этом. Мной распоряжаются, как слепым орудием. Меня вовсе не радовала перспектива: стать убийцей.

– Молчите! – предупредил меня Чернов. – Помните поговорку: язык мой – враг мой! Вам дан приказ – извольте исполнять.

Граф Чернов велел подать свою коляску. Лошадей уже сменили на свежих.

– Даже чаю не попьёте? – удивился Суворов.

– Простите, Александр Васильевич. Вынужден отбыть по срочным делам в Рим.

– Прощайте, – махнул вслед ему рукой фельдмаршал. Когда дверь закрылась, подошёл ко мне. – Мы, с тобой, Семён, остались в дураках. Меня хотят в горы загнать, к чёрту на рога, а тебе дело поручили невыполнимое.

– Александр Васильевич, но посудите сами, как я мог поднять руку на Великого князя? – Возмущению моему не было предела.

– Тихо! – прижал он сухой перст к потрескавшимся, бесцветным губам. – Кому легче, вам, или мне? Вы Великого князя должны убить, а я – опозорить Россию, погубить армию. Но, нет, Семён, ни черта у них не выйдет. Чую, недолго мне осталось по земле ходить. Стар я. И смерть устала за мной гоняться. Но я не уйду из этого мира опозоренным. И вы не смейте думать об убийстве. Лучше займитесь делом.

Какая у вас военная профессия?

– Артиллерист.

– Чудесно! И помните, в моей армии каждый солдат, каждый унтер, каждый офицер думает только о победе. Мы – русские люди. Генерал Розенберг, чёртов немец, и тот – русский. Багратион, Милорадович, Дерфельден – все они русские офицеры. Никогда они не будут отступать или, тем более, сдаваться в плен. Умрут, но не сделают ни шагу назад. Не бойтесь. – Он похлопал меня по плечу. – Вы смелый человек, коль с Ушаковым целый год воевали. Честь свою вы не запятуаете. А Аракчеев ваш, уж извините, – дурак. Опасный дурак.

* * *

Где-то надо было остановиться на ночлег. Мне удалось найти в этом маленьком городке квартиру. Вернее, нашёл её мой ординарец. Ко мне Милорадович приставил расторопного солдата. Невысокий, коренастый, ходил аршинными шагами. Всегда чисто выбрит, усы расчёсаны. Мундир идеально чист и отглажен. С моими вещами он не церемонился:

– Ну и барахла у вас, ваше благородие! Мешок, сундук, да ещё коробка с пистолетами. На кой все это вам? Наши офицеры в начале похода тоже барахла с собой навезли. Есть такие, которые даже гончих собак прихватили. А теперь все бросили. Война – работа серьёзная. Вон, один офицер молодую жену с собой взял. Его убили недавно, а барышня теперь

страдает.

– А что с собаками стало? – поинтересовался я.

– Так, подошли. Тут самим жрать нечего, а он – собак. Голодали, падали наелись, да передохли.

– А ты сам откуда?

– Сам сусам, воронежский таракан.

– Это как, таракан?

– Фамилия у меня такая – Таракан. Рядовой Григорий Таракан. Вот, вы сразу смеётесь, ваше благородие.

– Прости, Григорий.

– Эй! – забарабанил он в дверь аккуратного каменного домика. Выглянула старая женщина в накрахмаленном чепце. – По-русски шпрехаешь? Мне офицера надо разместить на постой.

– Най, най, – запротестовала она.

– Да брось, ты, баба, – с ноги распахнул дверь. – Деньгами платим, не за дарма. – Отстранил хозяйку плечом. – Проходи, ваше благородие.

– Удобно ли. Фрау против, – нерешительно сказал я.

– Они все тут боятся. До нас принц Рохан был со своей армией, так обобрал их до нитки. Австрийцы все подчистую из домов выносили, вплоть до нижнего белья. А эта фрау ещё скрывает раненого французского офицера. Думает, мы не знаем. Проходите.

В чистой горенке с низким потолком находились две железные кровати, огромный резной шкаф и грубый стол.

Окошко одно, узенькое, занавешено кружевной шторкой. На одной из кроватей лежал человек с перебинтованным плечом. Он приподнялся, сел, спустив босые ноги на деревянный пол.

– Добрый день, – сказал он на французском. – Вы пришли за мной? Мне собираться?

– Нет, месье, – ответил я. – Лежите. Если вы не против, я составлю вам компанию.

– О, это превосходно! – попытался рассмеяться он, схватился здоровой рукой за раненое плечо и болезненно поморщился.

– Здоровьице вам, мусью, – поприветствовал его рядовой Таракан. – Это ж я его сюда приволок. Он – офицер высокого чину. Тут недалеко бой был. Я его в плечо штыком пырнул, шпагу отобрал. Мне за него рубль серебряный дали в награду.

– Ты похож чем-то на моего прежнего ординарца. Хороший был малый, – вздохнул я. – Матроз Иван Дубовцев.

– Так оно и есть: что солдат, что матроз – все мы мужики русские. Все похожие чем-то. Что Григорий, что Иван, – говорил он, расставляя мои вещи. – Хозяйка, белье давай чистое! Бетлакен, твою мать! Да поесть что-нибудь сваргань. Офицер с дороги. Еда. Ессен. Ням, ням.

* * *

На следующий день высших офицеров призвали в штаб. К двери еле пробрался. Генеральские открытые коляски пере-

городили узкую улочку. Личный ординарец Суворова, Егор Борисович Фукс, весь покрасневший от натуги, кричал кучерам, чтобы убрали коляски прочь.

Я поздоровался с ним и проскользнул в дом. Народу – не продохнуть. Русские офицеры – шумные увальни, все время кому-то наступали на ноги, громко разговаривали, звенели шпорами. Австрийцы – подчёркнуто важные, задирали носы к потолку, и все больше молчали, держались отдельной группой, иногда перекидывались короткими фразами. Итальянцы вечно мрачные и сосредоточенные, говорили быстро, помогая жестами рук выразить эмоции. Пахло потом, туалетной водой, лошадиным духом и крепким табаком. Я даже где-то в углу уловил звон бокалов. Протиснулся вглубь. Увидел стол, заваленный картами. Суворов, сосредоточенно рассматривал какие-то бумаги и сверял их с картами. Рядом австрийский подполковник что-то объяснял командующему. У окна я заметил Великого князя Константина. Он как-то не вписывался в общество офицеров. Невысокого роста, не развит телом, слегка сутулился. Мне показалось, что он все больше стал походить на отца, только лицо пухлое, с белёсыми бровями. Взгляд, в отличие от горящего взгляда императора, неуверенный, усталый. Белокурые жиденькие волосы зачёсаны назад без всякой завивки. Простой синий камзол с медными пуговицами. В петлице скромный мальтийский крест. Рядом, словно насадка возле цыплёнка, нависал полный пожилой генерал. По лицу с тяжёлым подбородком

и отвислыми щеками, безразличному строгому взгляду, безупречно чистому мундиру с начищенными до звёздного сияния пуговицами, можно было определить в нем русского немца.

Константин узнал меня. Оживился. Щеки его порозовели. Я подошёл, поклонился.

– Добров, как я рад вас видеть! – воскликнул Константин и обнял меня. На нас посмотрели с удивлением. Больше всего удивление отразилось на лице русский немец.

– Простите, – сказал Великий князь, немного смущаясь. – Лейтенант Добров из канцелярии генерала Аракчеева, – представил он меня немцу.

– Аха, – настороженно кивнул генерал. – Вы от Алексея Андреевича?

– Генерал-майор Розенберг, – представил Константин.

– Андрей Григорьевич, – протянул он мне большую пухлую ладонь.

– Господа офицеры, прошу минуту внимания! – раздался высокий голос Суворова. – Подполковник Вейротер представит нам план похода через Швейцарию.

Все вокруг примолкли и подошли ближе к столу. Подполковник на немецком начал громко рассказывать, тыкая небольшой деревянной указкой в карту на столе:

– Маршрут следования армии следующий: от Беллиноца через перевал Сен-Готард, далее в Альтдорф и по берегу Люцернского озера – на Гларус. Переход займёт пять дней.

Генерал Мелис подготовит в Таверно и Беллинцоне полторы тысячи мулов для поклажи. По горным дорогам сложно пройти фурам, поэтому весь обоз перегружается на спины мулов. Там же в Таверно будет заготовлено продовольствие на семь дней пути, уже направлен вспомогательный фуражный отряд. Поднимаемся к перевалу Сен-Готарду. Отсюда спускаемся к Альтдорфу. Далее по берегу Люцернского озера следуем в Муттенскую долину, где прямая дорога в Швец. Здесь предполагаем встретиться с армией Римского-Корсакова, а также пополнить запасы продовольствия.

– Странный маршрут, – высказал сомнение генерал Багратион. – А не лучше ли идти через Киавену и гору Сплюген. Или через Беллинцону и гору Бернандину. – Он указал на карте эти два пути. – Мы соединимся с корпусом Линкена и дальше двинемся кружным путём через Кур и Сарганс. Можно будет прямо перейти хребет в верховьях Линты и встретиться с Елачицем и Гоце.

– Но этот путь намного длиннее, – возразил подполковник Вейротер. – И дороги в этой местности весьма плохие.

– Но между тем, мы можем идти вдали от неприятеля, не подвергаясь нападениям, – поддержал Багратиона генерал Милорадович. – И всю полевую артиллерию перевезём без потерь.

– Наши солдаты никогда не воевали в горных условиях, – вставил свои соображения генерал Розенберг. – Не обучены. Будем иметь большие потери в случае, если французы укреп-

пятся на Сен-Готарде.

– Перевал Сен-Готард охраняет небольшая застава. Переправу через Чёртов мост держит отряд в сотню человек. Французы сразу же разбегутся, увидев нашу колонну, – уверенно ответил подполковник Вейротер.

– Покажите нам диспозицию армий, – попросил Суворов. Указка Вейротера заскользила по карте:

– Римский-Корсаков занимает позиции перед Цюрихом, вдоль реки Лимата и нижнего Арата. Принц Александр Вюртембергский расположился у Цюрихского озера. Левее стоит Готце. Его позиции – по Линте и Валентштатскому озеру. Сарганс занимает Елантич. Дальше по дуге позиции бригады Зимбшена и Ауфтенберга прикрывают Дисентис. Дороги из Швейцарии в Северную Италию стерегут отряды Штрауха, принца Рогана и Гадики.

– Никуда не годится, – сделал вывод Суворов. – Смотрите, какая растянутая линия. Римский-Корсаков не сможет сдержать Массена, если тот внезапно пойдёт на прорыв. И резерв подтянуть не успеет. Кстати, покажите нам диспозицию французов.

– Левый фланг французской армии находится возле Базеля по Рейну. Фронт тянется по Аару, Лимату, Альбису, Линте, до Сен-Готарда.

– До Сен-Готарда? – Суворов задумался, взгляделся в карту, указал место, где обозначался перевал. – Как быстро Массена сможет перебросить подкрепление на Сен-Готард?

– Вряд ли он на это пойдёт, ослабляя центральную линию, – возразил подполковник Вейротер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.